

18+

Матильда Рэн

РАГУ

сборник рассказов на любой вкус



Матильда Рэн

**Рагу. Сборник
рассказов на любой вкус**

«Издательские решения»

Рэн М.

Рагу. Сборник рассказов на любой вкус / М. Рэн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606854-4

Вы любитель классики? Или предпочитаете пробовать что-то новое? Может, вы ценитель чтива поострее? Или же выбираете сладкие и обволакивающие разум тексты? Попробуйте «Рагу» — вы обязательно найдете что-то по вкусу.

ISBN 978-5-00-606854-4

© Рэн М.

© Издательские решения

Содержание

Страсти-мордасти	6
Бойтесь своих желаний	8
В топку	11
Никогда больше	12
Вооружена и опасна	13
Четыре глаза	15
Решение	17
Под фонарями	18
Ты поймешь	20
Напиши мне вчера	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рагу

Сборник рассказов на любой вкус

Матильда Рэн

Дизайнер обложки Sk_knightofthebrush

© Матильда Рэн, 2023

© Sk_knightofthebrush, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-6854-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страсти-мордасти

– Как вы сказали? Приворотное зелье? Легко! – ответила опытная ведьма, азартно почесала большую бородавку на носу и стала разжигать огонь под огромным грязным котлом. – Вам на всю жизнь или какое-то временное?..А? На всю жизнь, хм, тогда вам придется пожертвовать пару капель крови, милочка, – ведьма противно тонко засмеялась и стала наливать в котел бурлящую фиолетовую жидкость странной вязкой консистенции.

Бубня под нос какие-то старинные латинские заклинания, ведьма то и дело отбрасывала назад длинные седые волосы, почесывала бородавку и тонко подхихикивала.

– Та-ак, корень труковара, – в котел полетел коричневый засушенный корень, – лапка летучей мыши, сопля дракона... Да-да, что вы смеетесь, знаете, как сложно ее достать, учитывая, что дракон выдувает огонь и из ноздрей тоже?! – ведьма нахмурилась и тщательно завозила какой-то палкой, похожей на кочергу, в котле.

От кипящего зелья шел удушающий аромат, но ведьму, похоже, это ни капли не смущало.

– Так, теперь глаз сороконожки и..., капайте сюда, пары капель крови будет достаточно, – ведьма указала длинным ногтем на котел. —Так-так-так! – колдунья мерзко захихикала, потерла руки и, окунув мизинец в варево, попробовала зелье.

– М-м-м, дорогая, высший класс зелье, высший класс!

Ведьма метнулась к пыльным полкам, спугнула тарантура, достала пару скляночек и снова подошла к котлу. Посмотрев на зелье, ведьма на секунду задумалась и тут же громко хлопнула себя по морщинистому лбу.

– Ох, ну, чуть не забыла! Ну все, на третьем столетии склероз таки подкрался!..., – колдунья метнулась к развешенным на веревочках травкам и стала в них усиленно рыться, то что-то пробуя на вкус и потом смачно отплеиваясь, то принюхиваясь, а то и тщательно вглядываясь в каждую связку.

– Ну, наконец, вот она! – ведьма, подпрыгивая от радости находки, подскочила к котлу и бросила в него какую-то веточку – варево забурлило, задымилось и вдруг стало бледно-розового перламутрового цвета и стало источать аромат розы.

– Вот, другое дело! – ведьма снова захихикала. – А теперь, пока я разливаю приворотное зелье, вы, милочка, приготовьте оплату... Все, как договаривались, да... Ваше слово исполнить любую мою просьбу, – ведьма почесала бородавку и так хитро зыркнула, что стало понятно, что она что-то задумала...

– Ирааа, иди обедать! – донеслось из дома.

Десятилетняя Ира тут же встrepенулась, скинула с головы серую, побитую молью шаль, и стала отклеивать накладной ноготь на мизинце, который вчера втихушку позаимствовала у старшей сестры в тумбочке.

На лестнице послышались шаги, дверца с громким стуком откинулась и на чердаке показалась голова мамы.

– Ира, ты меня слышишь?..О, ты нашла бабушкин казан!

Ира смущенно покосилась на огромный ржавый чугунный казан, стоявший подле нее.

– Чем ты тут занимаешься? – мама улыбалась, но глаза так и шастали в поисках запрещенных предметов.

– Да н-ничем, – Ира, наконец, оторвала накладной ноготь, держа руки за спиной, и тихонько выдохнула. – Я ...я в повара играю! – Ира широко улыбнулась своей хорошей выдумке.

– А-а-а, – протянула мама. – А это будто специи у тебя? – она указала на пучки трав, развешенные Ирой на старой бельевой веревке. – Здорово! Может, к ужину нам покажешь свои умения, м?

– Не-е-е, – смущенно протянула Ира и незаметно от мамы бросила накладной ноготь в казан. – Я только еще учусь...

– Ну, пошли-пошли, мой юный поваренок, – мама скрылась на лестнице, а Ира тихонько почесала кончик носа и, усмехнувшись, поспешила за мамой.

Бойтесь своих желаний

Субботний вечер не обещал быть томным.

Виктор Николаевич изменил своему привычному отдыху перед телевизором и собрался в один из самых элитных ресторанов города, повидаться со старым другом детства. Попрошавшись с женой, Маргаритой Вадимовной, которая так же покинула семейное гнездышко для встреч с великовозрастными «девочками», Виктор поспешил в именитое заведение.

Он помнит Пашку еще по школе: ботаник, изгой класса, но щелкающий задачки по математике, как орешки. Витька, который не особо жаловал странного тихого Пашку, в математике же был ни в зуб ногой, и учитель в тандеме с его мамой как-то решили, что Пашка вполне может подтянуть Витьку по всем темам. Ох, как недоволен Витек был!.. Но делать нечего – маму он слушал, потому и пошел к Пашке в один из вечеров, скрепя зубы и ожидая скучные занятия на пару часов.

А Пашка оказался не таким уж занудным ботаником. Первое занятие никак не улучшило оценки Вити, так как весь вечер Витя и Пашка проиграли в «Sega» и фишки. На следующий день Витя, понимая, что за этим последует, но наплевав на мнение класса, при всех заговорил с Пашей. Так и началась их дружба.

После выпуска парни разъехались кто куда. И вот теперь, спустя двадцать лет после окончания школы, с помощью интернета Павел Сергеевич нашел своего одноклассника и заявил, что приезжает в его город по делам. И решено было встретиться.

Виктор Николаевич не желал ударить в грязь лицом и тут же стал копить на поход в дорожный ресторан. В тайне от жены, естественно. Ей же он сказал, что Пашка угощает, хотя намеревался поступить так сам.

И вот, помпезный зал ресторана, учтивые официанты, цены, от которых хочется плакать. Виктор Николаевич поглядывает на часы «Опаздывает...».

– Что, Витек, заждался? – послышался знакомый голос. Виктор Николаевич обернулся и встретился взглядом с импозантным мужчиной средних лет, с модной стрижкой, небрежно поблескивающим на руке «Роллексом» и костюмом явно от именитого модельера. Виктор Николаевич мысленно сник, прикинув, как блекло он смотрится на фоне своего друга, но все же широко улыбнулся и пожал руку цветущему Пашке.

Всю встречу вопрос так и вертелся у Виктора на языке, и он смог его задать только после н-ной порции виски.

– Паш, откуда у тебя столько денег? Ты же говорил, что ты обычный инженер.

– Так и есть, – скромная улыбка Паши походила больше на самодовольную.

– Но ведь часы эти..., – Виктор непонимающе воззрился на притягивающие взгляд ходики.

– Я заключил сделку, – сказал Павел, пристально глядя в глаза другу.

– Сделку? – Виктор нахмурился.

– Ты ведь слышал о компании «Джинн»?

– Ох, да ладно! – Виктор хохотнул и откинулся на спинку стула, но, встретив серьезный взгляд друга, снова придвинулся ближе: – Ты не шутишь? Оно работает?

– Как видишь! – Павел развел руками.

– Но как?. Я думал, это чистой воды лохотрон...

– Я тоже так думал, – Павел изящным движением руки махнул официанту, прося повторить заказ, и продолжил: – Там все просто. Ты озвучиваешь свое желание, они назначают цену, вы заключаете договор.. И ты платишь. Вот и все.

– И ты загадал деньги? – Виктор нетерпеливо отобрал у подошедшего официанта свой стакан и сделал глоток.

– Я загадал достаток! – уточнил Павел. – Чтобы мне всегда на все хватало. На все, что я захочу. А хочу я, как видишь, немало, – Павел удовлетворенно хмыкнул и поддернул рукава рубашки, засверкав бриллиантовыми запонками. Виктор насилу оторвал взгляд от дорогих безделушек и продолжил допрос:

– А цена? Что ты платишь? Деньгами?

– Конечно же, нет! – Павел рассмеялся. – У каждого желания своя цена. Самое дорогое – это, например, здоровье.

– И что за него?..

– Жизнь.

– Это как?

– Ну, если ты себе здоровье покупаешь, то плата – чужая жизнь, – от этих слов у Виктора зашевелились волосы на затылке. Павел хладнокровно продолжил: – Ты указываешь координаты человека, все его данные... Правда, это не сработает, если человек приобрел до этого здоровье или долговечность. Но в «Джин» еще мало кто верит, так что...

– О, боже мой! – с ужасом выдохнул Виктор. – И что, на все желания такие цены?

– Смотря какое желание, – Павел улыбнулся. – За красивую внешность нужно выбрать недостаток. Ну, например, хочет девочка себе фигуру первоклассную – получи, распишись! Но, будь добра, каждую среду икать по пятнадцать часов. Или же пусть у тебя нервный тик будет по четвергам.

– И кто ж на нервный тик подпишется?

– О, знаешь, многие идут!

– И что, там можно загадать все, что угодно?

– Абсолютно, – Павел отпил из стакана. – Если хочешь, могу дать контактик, позвони, узнай.

– Нет, дружище, я, наверное, пас, – с опаской ответил Виктор, помахав руками. – Что-то не нравится мне все это...

– Ну, как знаешь, – Павел нетактично осмотрел Виктора, от чего тот поежился, и добавил: – Достаток тебе был бы нелишним.

Виктор кашлянул и поспешил сменить тему.

Но до конца вечера Виктор так и не смог больше расслабиться, думая о компании «Джинн».

Прощаясь, Виктор старался казаться непринужденным, и когда Павел уже нетвердой походкой шел к такси, он вдруг обернулся и крикнул:

– Пашка! А какая цена за твое желание была?

Павел остановился, обернулся и, пожав плечами, ответил:

– Два десятка моей жизни.

Виктор Николаевич удивленно выдохнул. Он хотел что-то сказать, но слова так и застряли у него в горле.

– Так что, может, и не увидимся уже, – ответил Павел жизнерадостно. – А, может, увидимся! – он пьяно рассмеялся. – Ну, бывай, друг!

Всю дорогу домой Виктор Николаевич пытался представить, смог бы он продать свои двадцать лет жизни за достаток или нет, но так и не нашел ответа.

Вернувшись домой, Виктор был встречен веселой расслабленной после пары бокалов вина Маргаритой Вадимовной. И, обняв свою, такую родную и привычную жену, он понял, что не хотел бы ничего, кроме того, что имеет.

Двухкомнатная хрущевка (пусть и не дворец) встречала теплом и уютом; жена (пусть слегка потерявшая фигуру) такая родная и с таким заразительным смехом; его собственная неидеальная внешность, но любимая кем-то... Все это он любил и был от того счастлив. И, казалось, только сейчас Виктор Николаевич это осознал.

– Ритка, иди сюда! – он крепко обнял жену и, прижав к себе, поцеловал.

– Ох, надо почаще тебя на посиделки с друзьями отпускать! – - хохотнула Маргарита Вадимовна, а Виктор Николаевич счастливо улыбнулся.

В топку

Она была самой древней книгой в библиотеке. Старая обложка уже порядком растрепалась, форзац был несколько раз подклеен, но все равно по краям торчали желтые от клея нитки.

Кашляя пылью и рассыпавшимися в труху страницами, книга поглядывала на коробку, стоявшую неподалеку от стенда, на котором она стояла. Коробку принесли сегодня люди, сказав, что это «новое поступление». Книга снова кашлянула и обратилась к соседке справа – та была помоложе, получше выглядела и тоже уважалась людьми:

– Как думаешь, там совсем молодняк прибыл?

Пробудившись от легкой дремы, книга помладше бросила взгляд на коробку и ответила:

– Думаю, совсем свежачок. Я отсюда слышу запах типографской краски.

– Краска нынче пошла уже не та..., – откликнулся потрепанный словарь с полки чуть ниже. – Вон как несет..

– Да-да, – согласилась древнейшая книга. – А жанр какой?

– Любовные, наверное, – прошамкала соседка. Обе тут же недовольно помычали.

– Ох, что же люди так опустили, совсем не читают серьезную литературу..., – древняя книга снова звучно кашлянула и проводила оседающую пыль взглядом.

– Спрос рождает предложение, – философски откликнулась соседка. – Меня вот недавно пролистывали, не могли найти информацию в Интернете...

– А я уже вообще никому не нужен, – вновь откликнулся словарь снизу, – меня этот интернет и заменил...

– А я слыхала, – снова заговорила соседка, – что в интернете теперь есть копии нас, что любую информацию как-то переводят в символы и...

– Окстись! – строго прервала ее древнейшая книга. – Где ж это видано, чтобы наши знания, с наших страниц могли так просто поместить на всеобщее обозрение в Интернет! Акх-кхе-кхе!

– Все мы там будем, – послышалось с полки снизу.

Книги задумчиво замолчали.

В зал вошел библиотекарь. Он направился напрямик к коробке. Разрезав скотч, он начал выкладывать новые книги на стол. Обложки сияли глянцем, страницы были белее снега, фотографии и иллюстрации поражали своей реалистичностью и качеством.

– Красота какая!.. – воскликнул библиотекарь и стал просматривать новинки. Открывал, читал аннотации, делил на стопочки по жанрам...

– Стоит, наверное, обновить выставку, кому нужна эта рухлядь! – воскликнул библиотекарь и решительно начал снимать со стенда старые книги.

– Как он сказал? Рухлядь?? – воскликнула древнейшая книга и снова закашлялась. – Да как он смеет!..

– Ничего не поделаешь, 21 век, – грустно откликнулся словарь уже со дна коробки.

Старые книги библиотекарь сложил в коробку и отнес в книгохранилище. Поставив коробку в дальний угол, он выставил новые блестящие книги на стенд. Заголовки книг так и манили: «На 110 оттенков темнее», «Полумрак», «Боль любви: Шерсть»....

– Будут брать, – кивнул довольный библиотекарь.

Никогда больше

Она слышит в трубке улыбочное приветствие: «Здравствуй, солнце мое» и не улыбается в ответ. Из вежливости произносит: «Здравствуй», а сама думает: «Нет, не твое».

Потому что он женат. А она официально ему никто.

В который раз она думает, что сегодня ему скажет. Скажет, что все кончено, что она не может больше жить в ожидании его звонка, не может больше, выходя из подъезда, шугливо поглядывать по сторонам в ожидании яростной фурии в лице его жены.

Она прекрасно знает, что все тайное всегда становится явным. Всегда. Это неизменный факт, правило Вселенной.

Но ничего не может с собой поделать.

– Ты сегодня вечером что делаешь? – спрашивает он непринужденно, и это сигнал – он будет в этот вечер свободен. Она хотела бы соврать, что занята, но думает, что расставаться нужно все же по-человечески, лицом к лицу, а не по телефону, как подростки. И говорит, что свободна.

Он заявляется с цветами, с бутылкой ее любимого вина. От него пахнет ее любимым одеколоном, и ее иногда царапает мысль, что его жене тоже нравится этот аромат

«В последний раз», – думает она и тает в его объятиях, стараясь запомнить каждую мелочь: жесткость его щетины, его крепкие руки, его слегка смытую татуировку времен армии на плече, его стук обручального кольца об металлическую спинку кровати...

Она видит маленький порез на шее (утреннее бритье) и пытается представить, как начинается его день – вот он выходит из ванны, полотенце на бедрах, от него веет свежестью и мятой, а его жена уже приготовила завтрак и налила ему кофе...

Она никогда не наливает ему кофе, из принципа. Он, видимо, догадывается об этом, потому по-хозяйски сам достает кофе, сахар, сливки, а ее потряхивает от осознания того, что он ни разу не открыл не тот шкафчик.

Сколько уже это длится? Год? Два? Три? Время безжалостно, и она столько его уже потеряла!.. Если поначалу она надеялась, что он все же оставит жену, то сейчас даже не заводит об этом речи.

И после очередной ночи, он слишком медленно, не торопясь, ставит чайник, выкуривает сигарету в ее чистой кухне, пьет кофе.... Она знает, что ему пора, но он слишком вежлив. Этикет не позволяет ублажить даму и скорее скакать к собственной жене.

Она забыла, когда последний раз она красила губы, душилась духами – ведь жена может увидеть, почувствовать...

Столько лет она живет в состоянии вечной осторожности...

После очередного звонка и дежурного вопроса о вечере, она выдавливает из себя, что занята. Он не расстраивается, и это придает ей решимости сказать: «Не звони мне больше». Она поспешно жмет на отбой и тут же выключает телефон. Безэмоционально меняет сим-карту, трясущимися руками начинает отправлять свой новый номер близким. По щекам градом текут слезы, но она их даже не замечает. Эмоции были выплаканы уже давно, сейчас это просто физиологическая реакция организма.

Она понимает, что ему нужны будут объяснения и что он явно придет к ней домой, ведь он прекрасно знает ее адрес. И здесь она подготовилась – на руках у нее билет в соседний город. Просто так. Лишь бы сбежать. Хотя бы на неделю. А там уже будет проще.

Ведь нужно начинать новую жизнь, и новую себя она планирует обрести в соседнем городе с его неистовыми холодными ветрами и с шумом прибоя. Море высушит ее слезы, ветер проветрит ее, как старое пальто. И она вернется домой уже не той, что была. И никогда больше не допустит в свою жизнь того, кто заставит жить в трусливом ожидании.

Вооружена и опасна

Обычно себе под нос напевают разве что одинокие бабушки, либо же люди с наушниками в ушах, но она шла и беззастенчиво пела вслух, чеканя слова:

– Я! Искала тебя! Ночами темными!

Ритм песни не совпадал с оригиналом, она напевала чуть быстрее, под стать ритму своих шагов. Под массивными ботинками хрустели ветки, сминался мох, лопались ягоды, а она без стеснения чавкала жвачкой и продолжала напевать:

– Годами долги-и-ми...

Вдруг подпрыгнула, топнула и, зажмурившись, громко:

– Ты! Совсем как во сне! Совсем, как в альбомах, где я рисовала тебя гуашью! – пропела и вдруг смолкла, выпрямилась и, как ни в чем ни бывало, уже молча, пошла дальше, обходя особо цепкие кусты и одновременно шаря рукой в походной сумке.

На свет был извлечен довольно потертый листок. Она остановилась и, развернув его, всмотрелась.

На листке явно читались слова «Разыскивается» и «опасна». Внизу уже почти стерлась строчка про вознаграждение. А посередине листа, с явными перекрестными линиями от сгиба был ее портрет.

Если бы не эта повязка на глазу, она бы в жизни себя не узнала. Художник явно не старался. Но ее отличительная черта делала ее узнаваемой во всем Шервудском лесу.

Она сложила листок и, спрятав его в сумку, снова запела.

Она знала, кто ее ищет. И за что. И она не собиралась прятаться. Она намеревалась прийти и встретиться с искателем лицом к лицу. Чтобы, наконец, покончить со всей этой беготней.

Как она дошла до жизни такой? Проще было сказать, когда она не жила подобной жизнью: бег, укрывательство, хитрость и снова бег. Но она устала. Ей вдруг захотелось покоя. Поэтому, услышав, что в ближайшем городке снова развесили ее портрет, она тут же отправилась прямо в лапы искавшим.

Она отлично ориентировалась в лесу. Никто, кроме нее, не знал этот лес лучше. Разве что ее давний друг и по совместительству ученик Робин уже пытался превзойти учителя, но пока еще не был к этому близок.

Каждое дерево, которое показалось бы любому путнику обычным, ей виделось особенным: со своими узорами на стволе, со своим особенным ростом веток, со своим профилем, повернутым в сторону восхода.

Она знала наизусть все дикие тропы и старалась не мешать лесным жителям, не разрушать их жилища, не нарушать их покой. Они платили ей тем же, позволяя находиться в лесу дольше, чем кому-либо, и ей было этого более, чем достаточно.

Лес начал редеть, и она сбавила шаг, сосредоточившись на линии горизонта. Единственный зрячий глаз шарил по открывшейся поляне, выискивая признаки засады, и, удостоверившись, что все чисто, она вышла на тропу, ведущую в город.

Она почти у цели.

Город пребывал в запустении. В последний ее визит здесь все было иначе: у каждого дома цвели розовые кусты, по улицам бегали упитанные веселые дети, играла музыка. А сейчас если и встретишь прохожего, то лишь дряхлого худого старика, просящего милостыню.

– Нужно было прийти раньше, – пробормотала она, ускоряя шаг. Она шла напрямик к замку.

Как только она приблизилась к воротам, те тут же распахнулись. Ее узнали.

Проходя мимо стражников, она отметила их измотанность, их жадный голодный блеск в глазах и удивление, граничащее с ликованием от ее прихода. Ей тут же захотелось развернуться и сбежать, лишь бы не видеть этого отчаянного восторга, но она напонила себе о своих моральных принципах, которым так же учила своего последователя Робина, и, поборов порыв, продолжила путь к высоким сводам главных ворот замка.

Главный зал встретил ее тишиной. А она помнила, как несколько лет назад здесь царил веселый шум и гам, рекой лилось вино и блюда падали на пол, тесня друг друга со стола. А теперь на длинном столе скромно стояли одинокий кофейник и тарелка с засохшими пряниками – вот и вся трапеза на одного.

Она глубоко вздохнула и снова напонила себе о цели своего визита.

– Это ты? – слышалось из тени.

– Я, – тут же откликнулась она и сделала шаг по направлению к голосу.

– Но почему именно сейчас?

– Я решила, что пора, – ответила она и, хмыкнув, пробормотала: – Куда уж дальше тянуть..

– Подойди ближе, – прозвучал хриловатый голос. – Я давно тебя не видала.

Она сделала несколько шагов вперед.

В глубокой нише стояло высокое зеркало, похожее скорее на пыльное окно, в которое давно никто не выглядывал.

Из зеркала на нее смотрела невысокая складная девушка в походной одежде с высоким рыжим хвостом на макушке, с потертой сумкой на плече и черной повязкой, скрывающей правый глаз. Отражение сказало:

– Что с глазом, Муза?

– А то ты не в курсе, – ответила она, вскинув подбородок. Она еще помнила ту битву, когда чуть не лишилась глаза. Отражение тоже помнило и смущенно потупилось.

– Но ты все же пришла.

– Пришла.

– И ты готова снова со мной работать?

– Да, я готова.

– А если.. А если я снова...

– Снова меня лишишь чего-либо? Ты же знаешь ответ. Я снова уйду.

Отражение понимающе кивнуло и, помолчав, сказало:

– Спасибо.

Она кивнула.

Отражение и девушка молча изучали друг друга, будто общаясь без слов. Наконец, отражение нарушило тишину:

– Ты знаешь, что нужно делать.

Девушка молча кивнула и, развернувшись, звучно топая тяжелой подошвой ботинок, пересекла большой зал и отдернула тяжелую штору, открыв высокий трон, покрытый пылью.

Девушка села на трон, закинула ногу на ногу и громко сказала:

– Я вернулась. Зовите писарей.

Четыре глаза

«Носить очки – здорово», – скажут те, кто не носит очки.

«Это модный аксессуар», – гламурно прогундосят глянцевого журналы.

«Так ты кажешься умным», – отметит ребенок.

И все это – абсолютная ложь.

Очки – это большая морока, на самом деле. Особенно, когда светит солнце. Когда на улице солнечно – ты становишься двухсторонним портативным фонарем, ибо лучи мало того, что слепят тебя, так и отражаются от стекол очков, бликуя на прохожих.

Очки – та еще пакость, особенно зимой. Если ты с мороза заходишь в любое помещение, даже в едва отапливаемый подъезд, из-за перемены температур твои очки стопроцентно запотеют и ты станешь кротом. «Что тут такого? – спросите вы. – Неужели нельзя протереть?». Ха!

Если бы это удавалось с первой или даже со второй попытки! Чертовы стекла, которые так тебя выручают в любых других ситуациях (например, не дают спутать летящий пакет с демен- тором или поздороваться с манекеном, приняв того за продавца) в данном случае тебя самым бессовестным способом предают!

Ты их протираешь, и они запотевают снова. И так три-четыре раза. Стоишь посреди того же магазина, как беспомощный щенок, и протираешь-протираешь замершими пальцами, пока толпа покупателей обходит тебя словно столб посреди дороги.

Очки – это такое неудобное приспособление!.. Особенно летом. Помимо вышеупомяну- того солнца (если вы не живете там, где солнца практически не бывает) существует так же жара. И предатели-очки начинают сползать с твоего носа, превращая тебя из модного и умного чело- века в томную учительницу, которая смотрит на подопечного поверх очков и голосом с хри- потцой спрашивает: «И как же вы будете отрабатывать ваш прогул?».

Ты поправляешь очки сначала привычно указательным пальцем, потом от нервов сред- ним, а после уже готов примотать очки скотчем к голове, лишь бы очки сидели на месте и не норовили улететь (в бездну) на землю при любом твоём наклоне.

Но очки сблизжают, на самом деле (если вы не странный позер, носящий «нулевки»). Если вы встречаете в гостях такого же собрата-очкарика и стесняетесь или не знаете, с чего начать беседу, вполне можно спросить: «У тебя сколько?». Конечно, речь о диоптриях, если вы поду- мали о чем-то еще. А дальше уже, исходя из ответа, можно воскликнуть: «Пф! Подумаешь – минус полтора! Очки тебе вообще тогда зачем?» или «Нифига.. А у меня всего минус четыре».

Если в ходе разговора вы станете относительно близки друг к другу, то можно попросить померить очки. Будьте осторожны, эта просьба не будет удостоена положительным ответом, если человек еще не совсем вам доверяет. Люди, далекие от проблем зрения, могут и не знать, что, порой изготовление очков может стоить, как 500 килограмм гречки. Или того более. А очки, все же, довольно хрупкое приспособление.

Если же вы все же обменялись очками, обязательно должна прозвучать фраза: «Боже, как ты вообще в них что-то видишь!». Примерка очков без этой фразы считается недействи- тельной.

Очки отвратительно неудобны, когда ты решил вырубиться на подушке или – не дай боги! – в транспорте. Будь готов к тому, что тебе обязательно где-то что-то натрет, надавит или, что вообще страшное дело – очки станут кривыми. Да-да, такое тоже может быть. И снова тебе вместо 500 килограмм гречки придется покупать новые очки...

Но один и самый главный плюс у очков – это, конечно, возможность попытаться пред- ставить, как это – видеть своими глазами. Конечно, это все же суррогат настоящего зрения, но это лучше, чем видеть человека в метре от себя, состоящим из нескольких цветных пятен.

А еще есть небольшой бонус – если человек вас бесконечно раздражает, но высказаться ему в лицо вы не можете, можно просто в ходе разговора поправить очки средним пальцем.

Решение

Сначала ты разумно принимаешь решение.

Потом ты несколько недель его придержишься, стараясь не завывать в голос от разрывающегося на части сердца.

После ты уничтожаешь все следы Его пребывания в твоей жизни, руководствуясь поговоркой «С глаз долой – из сердца вон».

А потом еще пару лет стараешься о Нем не вспоминать, и это вполне удастся, ведь поводов говорить о нем нет, да и не с кем.

Но вся твоя выверенная тактика рушится спустя несколько лет. Рушится так легко, будто не было тех страданий, тех обкусанных от волнения губ, тех слез, будто всё это было построено из неосязаемой паутины сомнений, а не из прочнейшего бетона твоей уверенности в лучшем.

А во всем виноват сон.

Ты не можешь контролировать свое подсознание. Ты не можешь запретить себе сниться. И он взял и приснился. Впервые за восемь лет.

Нет, ты даже не видела его лица, которое уже слегка размылось в твоей памяти.

Ты услышала голос.

Ты узнала бы этот голос без особых усилий; его интонации, тембр, ты сразу поняла, что это его голос. Ты шла по улице и слышала из громкоговорителей его голос. И он говорил о тебе.

Будто включили запись во время личного разговора. Он рассказывал, как вы познакомились, грустно хмыкал, припоминая какие-то смешные моменты ваших отношений. Его рассказ был спутанным, без всякой последовательности, он то начинал тараторить, то делал паузу, будто окунаясь в воспоминания.

Мимо проезжали автомобили; безучастные люди кутались в свое безликое тряпье, пытаясь укрыться от порывов ветра; город, еще не выбрав цвета листвы, недружелюбно поглядывал на тебя серыми глазницами-окнами, а ты, забыв о цели своей прогулки, несмотря на пронизывающий ветер и срывающийся снег, шла и слушала.

Люди тоже это слышали, но не обращали внимания. И только ты знала, кто это говорит. И о ком он говорит.

Он сожалел. Он грустно сказал что-то о том, что был не прав. И что так было вроде бы правильно. Было правильно расстаться.

Ты так давно хотела это услышать! Ты так давно хотела услышать от него хоть какое-то объяснение, хоть какие-то эмоции. И вот – услышала. А на душе стало еще хуже.

Ты проснулась и механически стала заниматься утренними делами, стараясь выкинуть из головы эту предательскую напоминку от мозга, эту жестокую ночную фантазию. Ты даже досадливо мотнула головой, как только встала с кровати. Но в то же время ты наивно соблюдала детскую примету: ты избегала смотреть в окно, чтобы не забыть то, что только что увидела. И где-то на краю подсознания ты старалась вспомнить хоть одну фразу из его речи. И не могла.

Ты лишь помнила, что он сожалеет. И тебе было этого достаточно, чтобы снова начать забывать его.

Под фонарями

Открытое окно. Не в плане открытой форточки, а в плане отсутствия занавесок, штор или еще каких приблуд, старающихся закрыть жизнь и быт внутри тесной бетонной коробочки. Прекрасно видно блестящую бело-зеленую кухню, высокие шкафчики почти до потолка.... Видно, что на этой кухне не уместится даже два человека. Кухня для настоящей одиночки.

И вот она – та самая одиночка. С книгой в левой руке. Читает, хмуря брови и чрезмерно осторожно наливая кипяток в кружку, нехотя поглядывая, чтобы не пролить.

В этом все люди-Цезари: люди, делающие несколько дел одновременно. Вот нет, чтобы отложить эту книгу, да за пару секунд спокойно налить чай или что там она еще пьет, поставить кружку на стол, усесться и вернуться к чтению! Но нет же! Она продолжает читать и медленно берет кружку за ручку, словно в замедленной съемке движется к кухонному столу и так же медленно ставит кружку на стол. Ну, наконец-то.

Она садится на белый в тон шкафчикам стул, закидывает ноги на второй и продолжает чтение. Время от времени кладет книгу на колени – талмуд еще тот, увесистый, немаленького размера. Жаль, не видно названия. Но, судя по цветастой обложке, это явно не классика.

Сутулится, то и дело поправляет съезжающие очки, и тут же отодвигает их обратно почти на кончик носа. Зачем? Зачем поправлять и обратно их?.. Нелогично. Наверно, мешают как-то, не по размеру, видимо...

На кухне, нужно отметить, тот еще апокалипсис, если присмотреться. Тут и там куча кружек, тарелок, вилок, все поставлено в хаотичном порядке. Словно недавно от нее ушла толпа гостей, которые славно отужинали и напились чаю.

Но я-то знаю, что никого не было. И что этот апокалипсис – дело рук одного дня. Ее собственного дня.

Она откладывает книгу и ненадолго уходит вглубь квартиры. Возвратившись, какое-то время стоит неподвижно и смотрит на стол, заваленный посудой.

Показалось бы, что она засмотрелась в телефон, так она «подвисла», но нет. Она вдруг встрепенулась, будто что-то осознала, и стала убирать посуду. Жаль, что не мыть, а просто составлять в аккуратные стопочки, поближе к раковине. Эдакое проявление ленивого перфекционизма.

Снова уселась, только отхлебнула чаю, как вдруг – встретила со мной взглядом.

Я занервничал. Я не планировал раскрывать свое инкогнито, но вот она уже отложила книгу и медленно идет к окну.

Я судорожно сглотнул. Стоит ли притвориться, что я тут ни при делах? Впервые ли она меня увидела? Может, она всегда знала, что я за ней наблюдаю, и все это время просто не подавала виду?

Она открыла окно и, поежившись, запахла халат.

– Что ты тут, хороший мой? Скучно тебе? Одиноко?

Я пораженно молчал. Не ожидал я от нее такого приема. Мне казалось, что я услышу совершенно другие слова. Так, стало быть, она все же меня видела раньше?..

– Мне тоже одиноко, – вздохнула она и посмотрела на небо. Помолчав, она грустно вздохнула: – Вот город, даже звезд не видно! – она перевела взгляд на меня. – Ты-то, наверное, можешь их видеть, да? Ты же можешь за миг оказаться там, где не светят фонари?

Я бы хотел и дальше слушать ее голос и наблюдать за тем, как она то и дело заправляет за ухо слишком короткую прядь, я бы хотел остаться, но теперь это будет неправильно.

Когда я был всего лишь наблюдателем, все было гораздо проще. Но как только она повернула ручку окна и обратилась ко мне, все изменилось, и изменилось безвозвратно.

Я с горечью посмотрел ей в глаза и сорвался с места. Мне вслед донеслось ее разочарованное:

– Эй, ты куда?

Я неистово работал крыльями и сетовал на этот дурацкий городской закон, по которому обязан жить. Нерушимый закон для меня и остальных моих сородичей: «Голубям нельзя сближаться с людьми».

Ты поймешь

Нравственность, мораль, благочестие, благодетель – все эти слова в наше время связывают уже, в основном, только с религией. Никто не думает о том, чтобы жить по совести, никто не размышляет о своих неправильных поступках и о том, как их искупить.

Да, все еще есть люди, которые обо всем этом думают.

Когда маленький мальчик обидел девочку, дав ей по голове совочком в песочнице, он думает о том, что нужно попросить прощения. Но он это думает по своим причинам, в основном, «чтоб та своей маме не нажаловалась, а ее мама – моей, а то влетит».

Когда честлюбивый бухгалтер подворовывает из кассы, он думает о том, что «все воруют – и я ворую» и «в нашей стране попробуй не воруй, не выживешь!» и этими оправданиями заглушает голос совести.

Когда пожилая женщина, страдая от болей в коленях, раздраженно обрушивается в автобусе длинной матерной тирадой в сторону ни в чем невиновных подростков, она приезжает в церковь и, крестясь, думает «я живу по Божьим законам, кто ж виноват, что молодежь такая пропащая».

Мы все ищем себе оправдания. Мы все поступаем плохо и единственное, что может нас заставить исправить свой поступок – страх еще большего нагоняя.

Дети не считают зазорным обращаться к взрослым на «ты» и сквернословить, парни не считают некрасивым называть своих девушек «сука» и «шкура», жены и мужья не гнушаются измены своим партнерам, считая, что тот сам виноват в этом.

Мы любим себя. И мы не хотим сделать себе плохо. Зачем думать о чувствах других? Ведь другие о нас не больно-то задумываются! Вот и мы не станем!

«Кто много пьет – я?! Да ты видела, сколько Васька с пятой квартиры бухает? Да я по сравнению с ним вообще трезвенник!».

«Да, я опоздала, извините, а почему вы мне высказываете за десять минут опоздания, а Ивановой за час с лишним ни слова не сказали?».

«Мама, это не я разлил суп! Это Колька!»

О`кей. Ты молодец, держи шарик. В чужих глазах ты всегда можешь выглядеть хорошо, многоступенчатую подробную ложь никто не отменял.

А ты не подумал о своей душе? Почему теперь слово «душа» воспринимается только в религиозном аспекте, вместе со словами «рай» и «ад»? Неужели ты думаешь, что для тебя лично не будет никаких последствий? **МОРАЛЬНЫХ** последствий.

Неприятно припоминать собственные грешки. Тем более неприятно их исправлять. Но ты попробуй. Ты поймешь, почему я так настаиваю, когда тебя простят, когда ты освободишься от этого кажущегося незаметным груза вины.

Тебе станет так легко, как не было никогда до этого, как не было даже тогда, когда ты спал со своей горячей секретаршей за спиной жены.

Раз ты любишь себя, так освободи себя. Исправь испорченное, наладь сломанное, поговори с обидевшимися. И тогда ты поймешь, какую ношу ты на себе таскал все эти годы.

Ты поймешь.

Если у тебя еще осталась душа.

Напиши мне вчера

Та-дам.

Вот оно. Сообщение. Еще не видя самого содержания, ты увидел на экране телефона такое знакомое имя и тебя будто ударили по голове звонким ведром – в ушах зашумело, сердце, кажется, пропустило пару ударов.

Тебя уже, оказывается, дважды позвали, а ты не услышал.

– А?

– Кто написал? Что-то серьезное? Ты прямо в лице изменился!

Лучший друг улыбается, но глаза настороженно сканируют минимальные изменения в твоей мимике.

– Да нет, рассылка, – как можно небрежнее отвечаешь ты и суешь телефон в карман, так и не посмотрев сообщения.

Двадцать первый век – век спама, рассылок ненужных новостей и информационного мусора. Как просто можно солгать, даже ничего придумать не пришлось!.. Всем хоть раз приходило что-то подобное на телефон и все поверят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.